

УДК 94 [420: (470+571)] «1836/1837»

С. С. Седнев

**Г. ДЖ. ПАЛЬМЕРСТОН И АНГЛО-РУССКИЙ ИНЦИДЕНТ СО
ШХУНОЙ "ВИКСЕН", 1836–1837 ГГ.**

Проблема развития англо-русских отношений на Кавказе и по сей день вызывает немалый интерес среди исследователей, тем не менее, существует достаточное количество вопросов, которые не подвергались детальному изучению. К таким можно отнести англо-русский инцидент со шхуной "Виксен", обостривший международную обстановку и поставивший два государства на грань военного столкновения.

Одним из первых свое внимание на этот вопрос обратил К. Маркс в своих статьях, посвященных Г. Дж. Пальмерстону [1]. Он в общих чертах осветил политику России и Великобритании на Ближнем Востоке, а также охарактеризовал настроения в английском обществе, прессе и парламенте по поводу захвата судна.

В российской дореволюционной историографии вопросы, связанные с причастностью Форин оффиса к делу "Виксен" практически не освещались, отрывочные сведения по этому делу можно найти в документальных обзорах известного дипломата и юриста Ф. Мартенса [2].

В советский период увидели свет документы, касающиеся конкретно инцидента. Они были опубликованы в журнале "Красный архив" и в значительной степени позволяют заполнить белые пятна в истории развития дипломатического кризиса, вызванного захватом судна [3].

В западной историографии распространена идея о непричастности официальных кругов Лондона к подобным акциям британских подданных на Кавказе вообще, и к провокации с "Виксен", в частности. Прежде всего, это вызвано тем, что изучение этих вопросов базировалось на публикациях "Portofolio", журнала издаваемого секретарем посольства в Константинополе Д. Уркартом, мемуарах английских агентов, таких как Д. Белл, а также на основе парламентских дебатов [4; 5]. Подобные источники односторонне характеризуют ситуацию 1836–1837 гг..

В украинской историографии данная проблематика по-прежнему мало освещена. Именно поэтому можно сделать вывод о необходимости дальнейшей разработки и изучения проблемы, а наличие документальных, как российских, так и британских, материалов, создает предпосылки для разработки выбранной темы.

Конец 30-х гг. XIX в. был временем перманентного обострения Восточного вопроса, связанного с распадом Османской империи и борьбой Великобритании и России за укрепление своих позиций в этом стратегически и экономически важном регионе.

Одним из ключевых направлений политики Форин оффиса на Востоке был Западный Кавказ, в частности, Черкессия, которая после заключения Адрианопольского договора (1829) находилась в сфере влияния России. Главным ее архитектором был Г. Дж. Пальмерстон, возглавлявший внешнеполитическое ведомство с 1830 г. Основу его внешнеполитической доктрины составляли так называемые "венецианские" политтехнологи, включавшие в себя, помимо прочего, создание тайных обществ, скрытые политические манипуляции, использование пропаганды, провокаций и убийств, политический и экономический шпионаж, разжигание межнациональной розни и религиозных противоречий, поддержка революций, опора на неограниченный финансовый капитал [6, с.120].

По мере накопления сведений о политическом и экономическом положении Западного Кавказа, правящие круги Лондона утверждались в стремлении подчинить его своему влиянию [7, с.70].

Ежегодный экспорт английских товаров в гавани Черного моря в 40-х гг. XIX в. составлял около 2 млн. ф. ст. В Черкессии открылось новое поле для английской торговли. В Стамбул ежегодно приходило 200 судов с местными черкесскими товарами, причем все импортные товары были английского происхождения. Весомое значение имела Черкессия и как составная часть Восточного вопроса. Английский посол в Турции Понсонби писал Пальмерстону: "...никто из людей не оценивает так высоко значимости Черкессии, для сохранения политического равновесия в Европе, как я" [3, с.19].

В правящих кругах Лондона постепенно утверждалось мнение о необходимости превращения Черкессии в одну из сфер влияния. А поскольку избитые методы подстрекательства горцев и антирусской пропаганды не давали желаемого результата, в Форин оффисе решили перейти к более решительным действиям. В этих условиях британское посольство в Константинополе с санкции своего правительства обращается к весьма рискованному средству. Осенью 1836 г. оно организовывает экспедицию к побережью Черкессии торговой шхуны "Виксен", с грузом оружия и боеприпасов на борту [7, с.70].

Вдохновителем этой акции был Д. Уркарт. Именно он положил начало агрессивной, антирусской публицистике, доказывавшей, что русская политика в Азии направлена против "цивилизации", "свободы народов" и безопасности Великобритании; что политика Лондона направлена на обеспечение законной "самообороны" и "бескорыстной защиты" азиатских народов от "русской опасности". Д. Уркарт требовал, чтобы английское правительство приняло меры к изгнанию России с Кавказа и даже из Крыма, и заставило её вернуться на юге и на западе к государственным границам XVII в. В этом стремлении он следовал идеям главы внешнеполитического ведомства и своего непосредственного шефа [8, с.101].

Уркарт и Понсонби знали, что на восточном побережье Черного моря действуют официально объявленные в конце 1831 г. и специально доведенные до сведения Форин оффиса русские таможенные и карантинные правила [7, с.70]. Согласно с ними, доставка в Черкессию некоторых видов товаров, в основном оружия, воспрещалась, остальные предметы торговли допускались лишь в два порта: Анапу и Редут-Кале [2, с.487].

Благодаря заранее обдуманым деталям, операция с самого начала обещала принять опасный оборот, устраивавший Пальмерстона и его подручных в Константинополе. Заведомо было выбрано место для разгрузки судна – бухта Суджук-Кале, – в которой встреча с русскими сторожевыми кораблями была неминуема [3, с.195–198]. Понсонби советовал хозяину шхуны английскому купцу Д. Беллу ни в коем случае не избегать этой встречи. Он гарантировал ему в случае ареста судна заступничество правительства Великобритании. А Д. Уркарт отправил черкесам письмо с предупреждением об отправке судна. Он писал: "Если русские попытаются оскорбить английский флаг, России будет объявлена война" [Цит. по: 7, с.71].

О причастности именно Пальмерстона к отправке груза контрабанды свидетельствовал в своих мемуарах Белл: "...я имел основание предположить, что экспедиция была предпринята по желанию министра иностранных дел нашего кабинета, чьи намерения были сообщены через посредство государственного секретаря Стренгвейса секретарю дипломатической миссии в Константинополе Уркарту, сообщившему мне об этом, и с моей помощью предпринявшему к тому приготовления" [4, с.5]. Позднее на слушаньях в палате общин 17 марта 1837 г. сам Пальмерстон обнародовал факт переписки с Беллом, тем самым подтвердив предположения о своей причастности к делу "Виксен" [1, с.419–42].

Российский историк В. Дегоев следующим образом обозначил два возможных исхода задуманной акции: "либо шхуне удастся пробраться к берегу не замеченной русскими кораблями, тем самым доказав неспособность русского флота обеспечить безопасность Кавказа и создав прецедент торговли иностранного судна с горцами, либо "Виксен" арестуют, что вызовет международный конфликт и, вероятно, появление британского военного флота в Черном море с целью не только защитить права англичан, но и оспорить права России на Черкессию" [Цит. по: 7, с.71].

14 ноября 1837 г., русский бриг "Аякс" задержал "Виксен" в момент разгрузки в бухте Суджук-Кале. Было установлено, что с борта корабля горцам было выгружено 8 орудий, большое количество ружей и шашек, 200 бочек пороха, кроме того, стало известно, что на берег сошел человек, возможно, бывший посланником египетского паши [9, с.26].

Следственная комиссия российского адмиралтейства по согласованию с Николаем I постановила: за нарушение таможенных и

санитарных предписаний, в полном соответствии с международным правом, конфисковать шхуну и передать ее в состав Черноморского флота, – сообщала русская газета "Journal de St. Petersbourgo" от 31 декабря 1836 г. [3, с.200]. Далее сообщалось, что касается купца Белла и капитана Чайльдса, то император приказал прекратить разбирательство по их делу, снабдить их средствами и вместе с командой отправить в Константинополь [3, с.200].

Вначале все шло по сценарию Уркарта, Понсонби и их наставника из Лондона – Пальмерстона. Инцидент повлек за собой резкий диалог между правительствами двух стран, вызвал тревожный интерес в европейских кабинетах, шумиху в британской прессе и парламенте [7, с.73]. Посол Франции в Вене Луи Сент-Олер писал по этому поводу: "Если я замечаю легкое облачко на горизонте, то это там, на берегу Черкессии" [3, с.195].

В январе 1837 г. британский посол в России Д. Дарем вручил Николаю I протест против задержания "Виксен", в котором обосновывалась незаконность этого акта, в связи с тем, что Черкессия не принадлежит России. Русский посол в Лондоне Поццо-ди-Борго так охарактеризовал этот демарш Форин оффиса: "...перчатка брошена, – писал он канцлеру Нессельроде, – отступать мы не можем, раз мы поставлены в такую необходимость" [3, с.207].

Мнение большинства западных дипломатов о случившемся склонялось в пользу России. Иностранные консулы в Одессе осудили экспедицию шхуны. Британская газета "Курьер" признала законность ареста судна [3, с.209]. На обоснованность действий России указывали даже некоторые участники дебатов по делу "Виксен" в британском парламенте [5, с.922, 925–928]. Лорд Дарем характеризовал действия Петербурга как показавшие "...в высшей степени дух примирения и искреннего уважения к принципам права" [3, с.200].

Однако Пальмерстон, прежде всего, решил изучить реакцию на инцидент с "Виксен" со стороны Вены и Парижа. Австрийский канцлер Меттерних занял двойственную позицию. Ее содержательный анализ можно найти у В. Дегоева: "Понимая заинтересованность в нем обеих сторон, и пытаясь играть роль третейского судьи, он не спешил содействовать урегулированию конфликта, так как напряженность в русско-английских отношениях была выгодна Австрии" [Цит. по: 7, с.75].

Английский посол в Вене Лэм, следуя указаниям Пальмерстона, убеждал Меттерниха принять сторону Великобритании. Причем первую и весьма точную инструкцию он получил еще до того, как в Лондонский кабинет пришло сообщение об аресте шхуны. Следовательно, Пальмерстон предвидел подобный оборот дела и заблаговременно думал о союзниках для спора с Россией. Так мог поступить лишь человек, хорошо осведомленный о плане экспедиции "Виксен" и покровительствовавший ей. Этот факт подтверждает в своем письме канцлеру Нессельроде, посол в Лондоне Поццо-ди-Борго: "Хотя лорд

Пальмерстон прямо замешан в этом заговоре, он не пытался разубедить его участников и поощрял их соблазнительными подкупами..." [3, с.208].

С помощью Лэма глава Форин оффиса надеялся запугиванием склонить Меттерниха к поддержке притязаний Лондона. Он хотел испытать прочность Священного союза, продолжая тем самым свою политику начала 30-х гг., когда он использовал австро-русские противоречия на Ближнем Востоке.

Между тем атмосфера вокруг "Виксен" накалялась. Из Петербурга уведомили о тщетности надежд на отмену решения следственной комиссии адмиралтейства. Понсонби стал убеждать Пальмерстона послать британский флот в Черное море. В марте 1837 г. развернулись дебаты о "Виксен" в парламенте. Большинство ораторов призывало к отмщению оскорбленной чести Великобритании и низложению кабинета либералов. Снова зазвучали лозунги о "русской угрозе Индии" [7, с.82].

Пальмерстон был доволен подобной шумихой. Углублявшиеся разногласия реально вели к военному столкновению. Военный и морской министры России получили экстренные распоряжения от Николая I. В конце зимы 1837 г. Россия активизировала военные действия на Западном Кавказе с целью скорейшего его подчинения, которое лишило бы Великобританию возможности рассматривать черкесский вопрос как международный [7, с.83].

В беседах с Поццо-ди-Борго английский министр горячо оспаривал права России на кавказское побережье. По его мнению, во-первых Турция по Адрианопольскому договору не могла уступать то, чем сама не владела; во-вторых, черкесы фактически оставались непокоренным народом; в-третьих, султан подписал трактат по принуждению. Надеясь запугать русского посла, Пальмерстон говорил, что его кабинет не может бесконечно сопротивляться антирусским настроениям парламента и общества, требовавших применения к России решительных мер [7, с.84].

Русский посол посоветовал Пальмерстону отказаться от бесперспективной роли верховного трибунала над трактатом между двумя независимыми державами. На что Пальмерстон ответил: "Европа слишком долго спала. Она, наконец, проснулась, чтобы положить предел захватам, которые император намерен привести...". Он предупреждающе заявил о намерении Лондона оставить за собой свободу действий в кавказском вопросе, а русский посол в ответ указал на право России реагировать на такую политику сообразно обстоятельствам и во имя собственных интересов. Эта беседа убедила Поццо-ди-Борго в том, что "английский министр желает войны и если он еще долго останется у дел, то достигнет своей цели..." [2, с.62–65].

Русский посол видел главную задачу России в предотвращении столкновения путем сохранения неприкосновенности проливов и создания изоляции для Великобритании, искавшей поддержки у европейских стран. С точки зрения Поццо-ди-Борго, Лондонский кабинет следовало лишить потенциальных дипломатических (Австрия) и военных

(Франция) союзников. По мере того, как Пальмерстон будет оказываться в изоляции, писал Поццо-ди-Борго, исчезнут его "надменность и самонадеянность" [7, с.85].

В одном из писем к послу в Петербурге Дарему глава Форин оффиса признал серьезность положения и не исключал вероятности вооруженного конфликта. По его мнению, этот конфликт обнажил в англо-русских отношениях гораздо более серьезные проблемы, чем сам факт захвата судна.

Выступив защитником непосредственных организаторов провокации и придав инциденту широкий международный резонанс, Пальмерстон поставил себя в весьма щекотливое положение. Настойчивый в стремлении приобрести Черкессию, Лондон в тоже время предпочитал не платить за новую сферу влияния ценой военного столкновения с Россией. Оно явилось бы неблагоприятным шагом, прежде всего, из соображений проводимой Великобританией политики сохранения целостности Османской империи – ничто не могло так ускорить распад последней, как кризисная ситуация в Черном море [7, с.86].

Пальмерстон, стремясь оказать нажим на Петербург путем максимального обострения ситуации, заставил британскую государственную машину работать на войну. Секретным приказом он привел в повышенную боевую готовность английскую эскадру в Архипелаге. В марте 1837 г. Понсонби, по поручению своего правительства, попросил султана пропустить через проливы в Черное море боевые корабли Великобритании и разрешить англичанам построить вблизи кавказских границ военно-морскую базу. Глава Форин оффиса вел опасную игру, при которой события легко могли выйти из-под его контроля. Турция отвергла это предложение, тем самым значительно разрядив напряженность. Войну предотвратил и другой немаловажный факт. Следуя своей внешнеполитической доктрине, предписывавшей отстаивать интересы страны чужими руками, Пальмерстон пытался найти союзников против России на континенте, однако желающих добыть для Великобритании Черкессию в войне с Россией не нашлось [7, с.86–87].

Французский король Луи-Филипп и его премьер-министр Л.-М. Моле осудили претензии Лондона и отдали предпочтение России, а Австрия, видя, что англо-русский конфликт близится к завершению и может быть улажен без нее, сочла выгодным отказаться от двусмысленного посредничества и также поддержала Россию [7, с.88].

Попав в дипломатическую изоляцию и столкнувшись с принципиальной позицией русского правительства, глава Форин оффиса был вынужден покончить с политикой устрашения, хотя все еще не оставлял надежды извлечь выгоды из конфликта. Он заявил Поццо-ди-Борго, что передал документы по делу "Виксен" на рассмотрение королевских адвокатов. Посол ответил: "Император никогда не поставит

своих прав в зависимость от мнения каких-либо иностранных авторитетов..." [3, с.207].

Осознав ошибочность своих расчетов, Пальмерстон стал искать пути к достойному отступлению. Их с готовностью подсказал Петербург, тоже склонный к примирению, хотя и не за счет отказа от ранее высказанных принципиальных взглядов и позиций.

Нессельроде посоветовал Поццо-ди-Борго изобразить дело так, как будто Пальмерстон и даже Понсонби, представляющие официальные круги государства, не имеют никакого отношения к зачинщикам экспедиции. Инцидент был лишен политической подоплеки [3, с.200–202].

Согласившись на подобное предложение, Пальмерстон в марте 1837 г в палате общин категорически отверг свое участие в деле "Виксен". Уркарт лишился должности. Все ходатайства Белла были отклонены. Глава Форин оффиса заявил, что если бы перспектива войны с Россией стала неотвратимой, то он предпочел бы иметь реальную и хорошо обоснованную причину к ней [10, с.187].

Как писал российский историк В. Дегоев, "...Пальмерстон спешно отступал по мосту, построенному русской дипломатией и им самим. Трезвость взяла верх над авантюрным искушением покончить одним ударом с успехами России на Ближнем Востоке" [Цит. по: 7, с.92].

Таким образом, ознакомление с документальными материалами и доступной историографией позволяет сделать вывод о том, что конфликт был спровоцирован не только английскими подданными в Константинополе. Нити этого запутанного дела ведут в Форин оффис, и за всем этим маячит фигура его главы. Отстаивая интересы империи, Пальмерстон остался верным "венецианским методам".

Англо-русский инцидент со шхуной "Виксен" окончился дипломатическим поражением Лондона. Это заставило его с особой озабоченностью следить за успехами Петербурга в Турции, Передней и Средней Азии. Несмотря на неудачу, в Форин оффисе сделали для себя ряд важных выводов относительно ведения политики на Ближнем Востоке, что в дальнейшем позволило Великобритании включить его в сферу своего влияния.

Литература

1. **Маркс К.** Лорд Пальмерстон / К. Маркс // Сочинения. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957– . – Т.IX. – 1957. – С.357–568. 2. **Мартенс Ф.** Собрание важнейших трактатов и конвенций заключенных Россией и иностранными державами. / Ф. Мартенс. – СПб.: Типография А. Бенке, 1874– . – Т.XI–XII. – 1874. – 900 с. 3. **Англо-русский инцидент со шхуной "Виксен" (1836–1837 гг.)** // Красный архив. – 1940. – №5 (102). – С.189–236. 4. **Белл Д.** Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. / Д. Белл. – Нальчик: Эль-Фа, 2007– . – Т.I. – 2007. – 405 с. 5. **Hansard's Parliamentary Debates.** – L.: Blackwell, 1953. – V.43. – 1953. – 670 p.

6. **Седнев С.** Начало "эры Пальмерстона" во внешней политике Великобритании, 1830–1833 гг. / С. Седнев // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2010. – №19 (206). – С.120–129. 7. **Дегоев В. В.** Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. / В. В. Дегоев. – М.: Издательский дом "Рубежи XXI", 2009. – 560 с. 8. **Из истории** происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. – 1950. – №11. – С.101–127. 9. **Иванов Д. Н.** борьба черноморского флота с контрабандной торговлей на восточном побережье черного моря в 1830–1840-е гг. / Д. Н. Иванов // Мир в Новое время. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – С.25–27. 10. **Seton-Watson R. W.** Britain in Europe: 1789–1914 / R. W. Seton-Watson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1955. – 715 p.

Седнев С. С. Г. Дж. Пальмерстон и англо-русский инцидент со шхуной "Виксен", 1836–1837 гг.

Статья посвящена проблеме формирования внешнеполитического курса Великобритании в 1836–1837 гг. В частности, исследованы деятельность министра иностранных дел Г. Дж. Пальмерстона и его роль в англо-русском инциденте со шхуной "Виксен".

Ключевые слова: Г. Дж. Пальмерстон, внешняя политика, Великобритания, "Виксен", Форин оффис, Уайтхолл.

Седнев С. С. Г. Дж. Пальмерстон та англо-російський інцидент зі шхуною "Віксен", 1836–1837 рр.

Стаття присвячена проблемі формування зовнішньополітичного курсу Великої Британії у 1836–1837 рр. Зокрема, досліджені діяльність міністра закордонних справ Г. Дж. Пальмерстона та його роль в англо-російському інциденті зі шхуною "Віксен".

Ключові слова: Г. Дж. Пальмерстон, зовнішня політика, Велика Британія, "Віксен", Форін оффіс, Уайтхолл.

Sednev S. S. H. J. Palmerston and Anglo-Russian incident with the schooner "Vixen", 1836–1837.

The article is dedicated to problem of British foreign policy's formation in 1836–1837. In particular, the activities of Secretary of State for Foreign Affairs H. J. Palmerston and his role in Anglo-Russian incident with the schooner "Vixen".

Keywords: H. J. Palmerston, Great Britain, foreign policy, "Vixen", the Foreign Office, Whitehall.